

— Как вам удалось прекратить уголовное дело, возбуждённое в отношении вас по факту замены «счастья» на «смерть»?

— Мы нашли общие интересы с руководством краевого центра охраны памятников и примирились. Даже обсуждаем возможность реализации совместных проектов. На суде было рассмотрено ходатайство и вместо судимости был назначен штраф.

— Вы счастливый человек?

— Для меня показателем счастья является искренний смех. Дети смеются искренне. А вот смех взрослых чаще всего похож на рвотный рефлекс или нервный спазм. Лет пять назад пребывал в таком состоянии сознания, которое, наверное, можно охарактеризовать как счастье. Оно не было вызвано употреблением психотропных веществ, а объяснялось жизненными обстоятельствами. Меня смешили самые простые вещи, наивные вопросы и ответы. До боли в животе. Допускаю, что со стороны кому-то могло показаться, что я не в себе. И это действительно было так. Я сошёл с ума, и я достаточно умён, чтобы признать это. Наверное, это были самые счастливые несколько месяцев моей жизни.

— Тема страданий — это тоже результат личного опыта?

— В определённой степени. Страдание знакомо всем. Я попытался изобразить его в предельно понятном образе человека, пережившего боль мира рутины. В моменте, когда он, преодолев страдания, отрекается от повседневного, вздымает глаза к небу и становится просветлённым. Такой взгляд я позаимствовал из русской иконописи, которая, как и деревянное ваение, нравится мне своей конкретикой. Я вообще позиционирую себя как носителя русской культуры, использую в своём творчестве присущие ей символы. Например, рисунок Sad Face на льду являлся знаком благодарности в адрес Камы. Река здесь — главное. Она — живая. Город держится на ней. Однако большинство людей не поняли этого смысла.

— Вы верующий человек?

— Я верю в здравый смысл и силу знания. От уровня знаний человека

